ИЗДАТЕЛЬ: ИВАН СОЛОНЕВИЧ

21 января 1950 г.

НАША СТРАНА

Editor: JUAN SOLONEVITSCH
Casilla Correo 2847
Buenos Aires

"NUESTRO PAIS"

Organo Monárquico Ruso

Correo Argentino Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. Nº 279513

TARIFA REDUCIDA
Concesión Nº 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233

AÑO II. Buenos Aires, Sábado 21 de Enero — Año del Libertador General San Martín, 1950 No. 36

Ив. Солоневич

Так что же есть демократия?

(Продолжение).

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ БАЗА

Итак, Е. Кускова, трубадур "демократии" (А. Керенский, в качестве лица мужского пола, является трубадуром. Е. Кускова, как представительницу пола прекрасного, вероятно, нужно назвать "трубадурой" демократии) утверждает, что "не может быть демократических свобод, законов и гражданского равенства без длительного воспитания народа". И что "наследие от трехсотлетней монархии Романовых русские революционеры получили плохое".

Теперь посмотрим, какое же именно воспитание получили иные народы. В том же номере "Н. Р. С." (от 2 авг. 48 г.) Е. Кускова сообщает своей просвещенной аудитории следующее:

Профессор психологии Колумбийского университета, Голлингворс, переработал целые горы статистических данных, чтобы как-нибудь зарисовать портрет этого "середняка". Надо сказать, что портрет вышел не очень привлекательный. Середняк даже свою местную географию знает с большими пробелами. Нечего говорить о географии мира. Имеет самые элементарные представления об искусстве, литературе ,о правах гражданина или обязанностях по отношению к государству. Его словарь — в разговоре, письмах, крайне беден: он содержит всего 5% слов обыкновенного словаря. Он не может сколько-нибудь вразумительно определить разницу между монархией и республикой, совсем не понимает внутреннего смысла понятий "эволюция" и "революция". Один такой середняк подвергся экзамену на "интеллигентность". Ему задана была задача: одна большая коробка, в ней четыре маленьких: сколько всего коробок? Столь простая задача решена не была. Нечего говорить о понятиях морали. Они всегда традиционны, заимствованы от семьи или школы. Разговоры такого человека со знакомыми, с родными, — отличаются необычайной примитивностью: в беседы всегда вплетаются замечания о погоде... "Такого рода люди, заключает Голлингворс, — добыча для всякого рода шарлатанов, демагогов, продавцов сомнительных товаров и т. д.

Эту цитату трубадура демократии снабжает следующим примечанием: "в общем эта характеристика — верна".

Значит: века истинного демократического воспитания — в результате, человек не может сказать — сколько будет коробок, если в одной большой находится четыре маленьких. Значит — человеку, который не в состоянии додуматься до пяти коробок — "демократия" предлагает решать вопросы о том, стоит ли помогать белому Китаю против красного или есть ли смысл урезать план Маршала еще на миллиард долларов. Если у данного "середняка" мозги находятся хотя бы в приблизительном физиологическом порядке, я уже не говорю о логическом, то он на это ответит:

—Не мое дело.

Как не его дело писать романы, делать операции, строить храмы или решать вопрос об инфляции или дефляции. Он, средний человек, заинтересован в том, чтобы все эти вопросы решались бы **не за его счет.** И, следовательно, в том, чтобы был Некто Неподкупный, охраняющий "счет" среднего человека.

В предыдущем номере "Нашей Страны" я приводил рассказанный Е. Кусковой анекдот о московском извозчике, который голосовал за эсеровский список, — потому что, де, эсеры обещали ему, извозчику, московские бульвары — под распашку. Это глупый анекдот. То ли извозчик был пьян от самогона, то ли Кускова была пьяна от свободы, то ли это вообще выдумка. Если бы этот нелепый анекдот рассказал бы я, то тут-то меня и заклеймили бы: "реакционер, вот, видите, он клевещет на массы". Совершенно ясно: никакой землероб на бульвары не позарится: ему нужна пахотная земля, а не мостовые: попробуйте расчистить их от булыжника! Но этот анекдот чрезвычайно характерен в другом отношении: он показывает, что "народ", "массы", "демос" ,наши демократы знают только из статистических таблиц: "пять процентов обыкновенного словаря" (а что есть "обыкновенный словарь"?). Словарь русского "простолюдина" конечно, не включает в себя таких терминов, как флюоресценция или реминенция, но язык этого "простолюдина" ярче, сочнее и выразительнее языка нашей трубадуры. И его, простолюдина, мозги сидят правильно ,а не на-бекрень. Поэтому он, простолюдин, и считает, что над ним должен сидеть "образованный человек", а над образованным человеком" должен сидеть Царь: тогда его, простолюдина, не будут ни грабить, ни обманывать, ни программами, ни всякими иными способами. Эта точка зрения очень далека от какой бы то ни было "мистики", это есть точка зрения здравого смысла.

Так вот: века и века истинно демократического воспитания в идеальных для этого воспитания условиях: почти никаких войн, никакой воинской повинности, никакой паспортной системы, защита двумя океанами, и совершенно исключительные природные богатства страны. И, вот, результат:

Война выиграна кровью русского простолюдина. Половина Европы отдана большевикам, почти половина Азии отдана большевикам, в перспективе — третья мировая. "Середняк" ничем, кроме бейзбола, не интересуется и интересоваться не хочет*), план Маршала легко и нежно сорван большевистскими забастовками, САСШ болеют "бездействием власти", умные люди САСШ обрабатывают этого середняка с разных сторон и где-то под поверхностью политической жизни сидит какой-то Мистер Франк Костелло с его 400 миллионов долларов на взятки администрации.

Толковые американцы отдают себе ясный отчет в своем положении — об этом, в частности, писал У. Липпман. Но они говорят: лучше мы допустим Аль Капоне, Таманни Холл или Ф. Костелло, чем будем рисковать своей свободой. Это правильно в условиях полной безопасности и колоссального богатства ,обусловленного главным образом именно этой безопасностью. Но при отсутствии безопасности все это было бы и может быть самоубийственным.

КОРОБОЧКИ и СОЦИАЛИЗМ

Итак: имеется демократический середняк, перед которым поставлен вопрос о пяти коробочках, и даже этого вопроса демократический середняк решить не мог. Теперь история ставит перед тем же середняком вопрос более существенный: быть ли земному шару капиталистическим, социалистическим или коммунистическим. Что знает середняк обо всем этом?

Когда я писал свою "Диктатуру Импотентов" и мы с сыном обсуждали ее тезисы, сын, более, чем я, знавший европейские условия, утверждал категорически: о том, что есть социализм ,средний культурный европеец не имеет никакого понятия. Оказалось действительно, не имеет. Но совсем недавно "оказалось" и еще одно.

Около месяца тому назад я сидел на островке в дельте Ла Платы в домике на курьих ножках (для защиты от еженедельных наводнений) и писал. Внизу, у чайного столика, шел политический разговор. Вел его инж. Ч. — новый эмигрант старого происхождения: в 1905 году был изъят из Высшего Технического Училища в Москве — за проявление соответственного энтузиазма, кончил такое же училище в Германии, очень крупно зарабатывал в Царской России, очень хорошо жил в СССР — даже и гувернантка при дочке была, сейчас очень крупно зарабатывает здесь. Сижу и слышу его голос:

—Ну — это нет, никакого возврата к старому режиму русские массы не допустят.

Тема начала быть интересной. Это сравнительно распространенное мнение новой эмиграции: "никакого старого режима". Спускаюсь вниз.

—А что вы, Иван Иванович, подразумеваете под старым режимом?

—Дворянство с его привиллегиями.

Опять-таки — обыкновенная история: против дворянства и "привиллегий "настроено — ну ,не сто, но во всяком случае 99 процентов населения СССР. Очень скоро выяснилось, что о "привиллегиях" Иван Иванович имеет чрезвычайно смутное представление. Но эту тему я отставил.

—Так что же, по вашему, хотят люди СССР?

—Только одного — социализма.

Тут уж я вытаращил глаза. Но спрашивать, так что же есть социализм — не стал Я предпринял обходное движение и после некоторых фланговых маневров спросил:

—Так значит, и народ и интеллигенция СССР — против частной инициативы?

—Ну что вы, как раз наоборот — полный простор частной инициативе!

—Следовательно, "средства производства" должны находиться в частной собственности?

—Само собою разумеется. Я ведь так и сказал: полный простор частной инициативе.

Теперь я перешел в лобовую аттаку:

—Тогда — что же, по вашему, означает социализм?

—Я, Иван Лукьянович, вам уже говорил: я политикой не интересуюсь вовсе.

Так вот это — не кусковский извозчик с его бульварами под пахоту, и не американский середняк с его пятью процентами "обыкновенного словаря". Это человек далеко за шестьдесят, московский студент Царской России и дрезденский студент вильгельмовской Германии, крупный — видимо очень крупный инженер, милый человек, балагур, рыболов и охотник и кроме того человек, прошедший на своем собственном опыте четверть века "строющегося социализма". Так что же вы хотите от итальянских лаццарони? Или от чешских мещан? И как можно реально вручать судьбы стран и наций этим лаццарони или этим мещанам?

Любознательным читателям я советую найти книгу м-ра Д. Карнеджи: "Как произносить речи" — это

---

*) На эту тему я получил из САСШ целый ряд писем ,в том числе некоторые — и от наших иерархов. Может быть, я приведу выдержки из них, — без указания имен, конечно.

в САСШ чрезвычайно популярный автор. На предпоследней странице этой книги (здесь в Б.А. я ее найти не мог) приводится образцовая д е л о в а я речь: короткая, четкая и предельно убедительная. Ее произносит директор рекламной фирмы. Ее тема: честность в рекламе. Оратор, говорит: коротко, четко и, вероятно, предельно убедительно: вся наша демократия основана на о б м а н е — с какой же стати вы требуете честности от нас?

Готовясь к первой и ко второй мировой войне, совершенно ясно зная, что участие в этих войнах для САСШ неизбежно — президенты САСШ слали приветственные телеграммы и Вильгельму и Гитлеру, своим "массам" клялись и божились, что никакой войны не будет, вооружались бестолково — как вооружаются и сейчас, и сознательно обманывали свой народ. Но эта политика в о з м о ж н а только в тех условиях, когда страна защищена океанами или хотя бы проливами и когда где-то на "востоке" есть тюрьма народов, принимающая на себя первые удары и наносящая последние. Что было бы с Англией в первую и во вторую мировую войну, если бы не было ни проливов, ни тюрьмы народов? Что было бы с Европой вообще, если бы монгольские орды не завязли бы в страшных войнах к востоку от Вислы? Что было бы со всякими там свободами, если бы не Аустерлиц, Смоленск, Бородино и Березина и даже Сталинград? Но если Россия из последних 200 лет своего бытия воевала 160 лет, то совершенно ясно, что роскоши парламентаризма она себе позволить н е м о г л а: парламентаризм означал бы гибель. И парламентаризм оказался гибелью. Нож в спину русской истории вонзил ни кто иной, как наша, извините за выражение, государственная, извините за выражение, дума. Раз попробовали, может быть, хватит.

Говоря иначе: демократия, как парламентаризм, возможна только в тех странах, которым или не приходилось вести вооруженной борьбы за свое существование, как Англии или САСШ, или этой борьбы вести не стоило по ее безнадежности — как капитулировали без боя голландская, датская, чешская и прочие демократии. Там, где, как в России, народ веками и веками был вынужден с оружием в руках отстаивать не только национальное, но и и н д и в и д у а л ь н о е бытие, он был в ы н у ж д е н строить свою государственность по военному образцу. Это не есть вопрос "рабства" и "деспотии, это есть вопрос самосохранения.

В "Белой Империи" я иллюстрирую это положение так:

Вот сидит Великий Князь Владимир на своем златокованном престоле в своем стольном городе Киеве. И по радио получает сообщение, что степные гитлеровцы или якобинцы или прочие уже в Лубнах, или Ромнах, или в Дарнице. И созывает Великий Князь Владимир некую княжескую государственную думу. И дума начинает переливать из пустого в порожнее: давать ли деньги на вооружение, и если да, то сколько и если столько то, то—то ли на флот, то ли на авиацию, то ли на конницу, то ли на пропаганду. Оппозиция становится в оппозицию, ораторы блещут красноречием — и потом приходит орда и сметает все.

Говоря практически, так у нас и было: были княжеские съезды на которых князья и целовались, и обнимались, и божились, и клялись на Евангелии — с тем, чтобы удельный княжеский парламентаризм завтра начать сызнова. Первый же — упаси Господи — парламент, который мы получили за всю свою многострадальную историю: а) срывал всячески вооружение армии и флота и б) когда армия и флот оказались недостаточно вооруженными — свалил вину на Государя и Его правительство, и в) когда Государь и Его правительство армию и флот все-таки вооружили — г) устроил революцию, д) проиграл войну и е) исчез бесследно. Так исчез, что даже здесь, в эмиграции, где, как известно, всякая болонка, оказывается, была в России сенбернаром — я не помню, чтобы кто-нибудь хвастался званием члена государственной думы или тем более учредительного собрания.

Хвастаться, действительно, вовсе нечем.

О СВОБОДАХ

Точная формулировка термина "демократия" невозможна по той простой причине, что, как и в случае с социализмом, люди определяют не то, что было или то, что есть, а то, что **должно было бы быть**: если бы массы оказались "воспитанными для коммунизма" (СССР), если бы массы оказались воспитанными для социализма (Англия), если бы массы оказались воспитанными для демократии (Кускова). Но массы оказываются невоспитанными ни для коммунизма, ни для социализма, ни даже для демократии, — ибо нелепо было бы предположить, чтобы тот средний американец, который, если верить проф. Голлингворсу (я ему все-таки не верю), не может сосчитать пяти коробок, или тот извозчик, который, если верить Е. Кусковой, собирался запахивать Тверской бульвар (Е. Кусковой я не верю ни на копейку), в р е а л ь н о с т и могли бы реализовать свои суверенные права и назначать: президентов, министров и даже банкиров? Определять войну и мир, инфляцию или дефляцию, высоту кредитов на атомную бомбу, о которой никто не имеет н и к а к о г о понятия, или планы четырехлеток и пятилеток, о которых некоторые люди д у м а ю т, что они имеют понятие. На практике, прозаической практике, кусковские избиратели голосовали за "квартиру", итальянские — одни за сталинские утюги, другие за американский Триест и третьи, вероятно, были в горьком раздумьи: они то за Сталина, но видит все — Христос, а не Сталин. Кого нужно обманывать? Как тут быть? Даже в САСШ только перед пред последними выборами кандидаты торжественно обязались не целовать детей перед фоторепортерами. А ведь и э т о входило в "железный арсенал" выборных кампаний. Кандидаты, их другие недостаточно выносливые губы вероятно, теряли все-таки какой-то шанс...

Я никак не хочу, чтобы меня поняли как противника американской демократии: как в наших русских условиях без авторитарного режима нельзя было п р о ж и т ь, так в американских нельзя строить никакого авторитарного режима. Американская демократия в общем, построена прочно: группа больших финансов диктует "общественное мнение" газетам, и газеты диктуют его "общественному мнению". В "Нашей Стране" я уже писал: настанет некогда день, будут нажаты кнопки и общественное мнение изменится в кратчайший срок.

Теперь реализовался и этот прогноз: американская печать совершенно забыла о том, что — так еще недавно Сталин был милым, добрым, старым Джо. Теперь Сталин—только старый. Уже не добрый и не милый. Кое-кто еще ставит ставку на оставшееся прилагательное — на старого: авось помрет...

Позвольте закончить эти глубокомысленные рассуждения несколько легковесным сравнением. Одно время я был парламентским репортером "Нового Времени". Несколько позже мне случалось быть и профессиональным борцом. Просвещенный читатель спросит: а что же тут общего? Общее — оно есть.

В 1936 году в Софии Борис Лукьянович участвовал в международном чемпионате вольно - американской борьбы — организованном известным и умершим, кажется, перед войной болгарским борцом Даном Коловым. Всего в этом чемпионате было восемь борцов. Я часто заходил к ним тренироваться. Заходил и мой сын. Был назначен день матча — и на софийском стадионе в присутствии всех верхов общества, солдат, впущенных бесплатно, и тридцати тысяч публики, впущенной за плату — выступало четыре пары борцов.

Само собою разумеется, что все роли были распределены з а р а н е е кто кого положит, на какой минуте и каким именно приемом. Знал это и Юра. Он тогда был молод и сравнительно неопытен. Сидя со мной и оглядывая арену борьбы и тридцать тысяч пар глаз, — Юра сказал мне нравоучительно:

—Вот — как восемь жуликов околпачивают тридцать тысяч дураков!

Это было не совсем верно: "жулики" честно зарабатывали свой очень тяжелый хлеб, "дураки" за свои деньги получали несомненно "здоровое развлечение" — более здоровое, чем кино или ночные клубы. Дело же заключается в том, что и н а ч е никакой "чемпионат" построен быть н е м о ж е т. Ежедневно серьезной борьбы даже и по "французскому стилю" не выдержит никакой организм, — да серьезная борьба для зрителя невыносимо скучна. Что же касается "вольно-американской", где дозволены л ю б ы е приемы, в том числе и приемы, ведущие к переломам костей, то совершенно ясно, что никакие профессионалы не стали бы бороться всерьез: они переломают друг другу руки и ноги и останутся без хлеба. Просвещенный читатель еще раз спросит: "а какое, собственно отношение все это имеет к парламентаризму?"

Имеет отношение. В парламенте, как и в чемпионате, все роли распределены заранее. Заранее известно, что А. Керенский выступит с приблизительно такой-то речью и что Н. Марков Второй будет свистать и топать ногами. Что трудовики и кадеты будут голосовать "за", остальные "против". Этого голосования не может изменить н и к а к о е красноречие: красноречие — это только для галерки. Несколько десятков заведомых жуликов околпачивают несколько десятков середняков, и середняки в восторге от двойного нельсона, который м-р Черчилль загнул на шее м-ра Эттли.

(Продолжение следует).

P. S.— Совсем забыл задать в пространство совсем наивный вопрос: вот, значит, сенатская комиссия установила, что м-р Ф. Костелло раздает на взятки четыреста миллионов долларов в год. Интересно: пыталась ли комиссия установить: кому и за что? О правительственном кредите в один миллиард на вооружение всей антикоммунистической Европы идет шум уже больше года, — а тут частное предприятие в один год бросает почти полмиллиарда на взятки, и это повидимому никакой сенсации не производит. И, еще, нет ли такой статистики, которая учла бы: какую сумму тратит на взятки и в САСШ товарищ Сталин?

Еще одно примечание. Я только что получил очередной номер нью-иоркского антикоммунистического журнала "Plain Talk". В нем есть статья: "Что делают поэты, чтобы жить". Начинается она так:

> "Если спросить, как зарабатывают поэты на жизнь, то ответ будет такой: они не зарабатывают, но они живут".

Оказывается, отец американской поэзии Уильям К. Уильямс зарабатывает около 100 (ста) долларов в год в журналах и около 300 (трехсот) "на своих многочисленных книгах". Рекорд поставил Лэнгстон Хьюгс, который на пьесах, стихах, шортстори и пр. зарабатывает до тысячи долларов в год. Средний заработок американского поэта — около ста долларов в год.

Чем же живут поэты? Служат в банках, в магазинах. Вот, значит, четырехвековое демократическое воспитание. Можете вы себе подставить Блока или Брюсова, которые в царской России были бы вынуждены служить конторщиками или приказчиками?

ЦЕНА НОМЕРА:

Северная Америка — 25 ам. центов
Южная Америка — 1 арг. песо.
Бельгия — 8 бельгийских франков.
Франция — 50 франц. франков.
Англия — 1 шиллинг.

В остальных странах — приблизительно из рассчета 25 ам. центов с поправками на всякие "курсы дня" и с тем, что наших представителей редакция просит установить цену самим. Из тех стран, откуда это возможно просим слать переводы непосредственно в адрес редакции деньгами, чеками или почтовыми купонами.

Объявления:
о розысках .... 1 доллар
остальные — строка в 1 колонку .... 20 центов

"НАША СТРАНА"
в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — Облигадо 2150: в книжном магазине бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто.
Цена отдельного номера — 1 песо.

В Мюнхене "Наша Страна" продается в:
"Das Buch durch die Post"
München 8, Mühlbaustr. 2|IV.
Tel. 45-86-90

Цена номера "Нашей Страны" в КАНАДЕ — 25 канадских центов.

К новой эмиграции

3

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СТАРОЙ ЭМИГРАЦИИ

Введение.

Я являюсь лидером одного из политических движений эмиграции, и, следовательно, занимаю какое-то место в пестром ряду эмигрантского политического пресмуранта. Отсюда у читателя может возникнуть совершенно законное подозрение, что я, как кулик, стану хвалить свое болото и хаять все остальные трясины. Надеюсь, что последующее изложение несколько рассеет эти подозрения. Но есть и еще одно обстоятельство: я принадлежу к правой части эмиграции и читатели "Нашей Страны" относятся к той же категории людей. Я решительно ничем не рискую, могу дать совершенно объективную картину левого лагеря эмиграции. Но дать совершенно объективную картину правого лагеря можно только с риском — если не собственной жизнью, то жизнью "Нашей Страны". Наш правый лагерь "самокритики" не переваривает никак. Добропорядочная монархическая газета должна левых ругать, на чем свет стоит, и правых хвалить, на чем небеса покоятся. Ничто в правом лагере не подлежит никакой критике. В нем есть известный — увы — сильно стандартизированный комплекс представлений, которые считаются обязательными. С точки зрения этого комплекса, А. Керенский есть абсолютное зло. Черен, как сталинская совесть. А, скажем, Екатерина Первая, о которой я, каюсь, выразился очень неудачно, — это все-таки матушка царица, критиковать которую нельзя, ибо она была помазана на царство. Я как-то спросил: значит, нельзя критиковать и Димитрия Самозванца, — он тоже ведь был помазан? Ответа я не получил.

В правом лагере свирепствуют те — "тотемы" и "табу", о которых я уже писал. К ним, этим тотемам и табу, можно прикасаться или даже только приближаться исключительно при условии точного соблюдения выработанного десятилетиями ритуала. В качестве типично ритуального органа — читайте "Часовой". Вот, совсем недавно журнал посвящал целые страницы юбилею Российского Общевоинского Союза. Все было построено на строжайшем соблюдении юбилейного и прочего ритуала: прозорливость, дальновидность, героизм, традиции, вожди и все прочее. Почти в то же время Н. Н. Чухнов в своем "Знамени России" (ном. 1) сообщил публике: "Российский Общевоинский Союз... по причинам формально-бюрократического порядка объединяет одну из самых незначительных групп белого офицерства. Фактически имеющие право на состояние в РОВС-е разошлись по другим организациям"...

Действительно "разошлись" и действительно осталась "одна из самых незначительных групп" и действительно "по причинам формально-бюрократического порядка". Но если вы попробуете проанализировать причины этого бесспорного явления, этого уже совершившегося факта, то вас предадут анафеме: разлагатель.

Левые круги никогда о разлагательстве не говорят. Возьмите "Соцвестник". В особенных симпатиях к нему меня трудно было бы упрекнуть. Но там есть мысль — фанатическая, — сейчас, я бы сказал, уклончиво-фанатическая — но мысль есть. "Соцвестник" — позволяет себе публиковать статьи новой эмиграции, переполненные страстными протестами против всякого социализма, позволяет себе анализировать социалистические мнения, сделанные всеми пролетариями всех стран, и "Соцвестник" как никак смотрит в будущее — хотя как раз у "Соцвестника" никакого будущего нет. Будущее — у нас, у монархистов. Но как раз монархисты увязли в прошлом, в ритуале этого прошлого, в тотемах и в табу, охраняющих этот ритуал и, я должен сознаться честно: большинство наших правых изданий я, если и читаю, то только "по долгу службы" — да и то не всегда. "Соцвестник" я читаю от доски до доски. Здесь лежит, может быть, самая большая опасность для правого лагеря русской эмиграции.

Само собою разумеется, что если мазать все левое в сплошной черный цвет и все правое одевать в ризы белоснежности, то никакого "путеводителя" не получится, — получится, как говорят в СССР, "своя лавочка". — Лавочкой я заниматься не собираюсь. Потому рискну жизнью еще раз.

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

В моей "Белой Империи", которая вероятно когда-то, где-то и как-то все таки будет издана, я проповедую целый ряд еретических мыслей. Одна из них сводится к тому, что наша великая русская литература дала заведомо облыжный облик русского человека. Это происходит отчасти потому, что эта литература выросла как раз в эпоху глубочайшего раздвоения национального сознания и национального уклада жизни, — в период крепостного права и его постепенной ликвидации, а, главным образом, потому, что всякая литература живет конфликтами жизни: где нет конфликта, там нет и литературы. Л. Толстой так и начал свою Анну Каренину:

"Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастна по своему" (цитирую по памяти).

Из комбинации этих двух конфликтов, национального и общелитературного, выросли образы: Маниловых, Обломовых, лишних людей, босяков и прочих таких людей, неприспособленных ни к какой разумной жизни. Эти образы въелись в наше сознание. Хотя самый поверхностный взгляд на нашу историю мог бы рассеять их всех, как ураган рассеивает дым папиросы. В самом деле: вот — Обломов. Творец его сам объехал почти вокруг света, да еще и на паруснике. Другие Обломовы и Маниловы прошли десять тысяч верст по тайге и заняли Сахалин. А "динамические" самураи не удосужились переплыть 50 верст Лаперузова пролива. Динамическая германская раса семьсот лет пыталась колонизировать Прибалтику и за семьсот лет не вышло ничего.

Мы за то же время колонизировали Бог знает, что. Прибалтики мы никогда колонизировать не собирались — нам там был нужен только выход к морю — мы его получим.

За последние лет сорок немцы были а) искренними монархистами, б) искренними демократами, в) искренними нацистами. Теперь натужно снова пытаются стать искренними демократами. Снова ничего не выйдет.

Манилов и Обломов есть не русские, а классовые типы. Они могли существовать только при крепостном праве. В любом другом обществе, буржуазном или социалистическом, они вымерли бы. Среди того же народа, который остался все-таки русским народом и в СССР, — Обломов, так сказать, технически невозможен. Но возможны и сейчас: Дежневы, Ползуновы, те поморы, которые "осваивали" наш Север, и те землепроходцы, которые пробились до Тихого Океана. Этих людей в русской литературе нет. Хотя совершенно очевидно, что судьбы России решали Дежневы, а не Маниловы.

Таким образом литературный образ русского народа дан и миру и нам самим в кривом зеркале русской литературы. Нам в этом отношении особенно повезло: наша литература стоит на необычайной технической высоте. И она навязала и миру и нам каррикатуру на нас. Само собою разумеется, что Маниловы и Обломовы, как русский тип, — это только каррикатура. Само собою разумеется, что ни князей Мышкиных ("Идиот", Ф. Достоевского), ни мужиков Каратаевых ("Война и Мир" Л. Толстого) никогда и в природе не существовало ни как типов, ни даже, как индивидуумов. Никто не пытался изучать английский характер по Чайльд Гарольду или Гамлету, американский по пьяным кошмарам Аллана По или по языческим стихам Уота Уитмана, но даже немецкий генеральный штаб совсем всерьез принял положение Ф. Достоевского о любви русского народа к страданиям. Вышла опечатка.

УПОРСТВО

Характер народа дан не в его литературе, а в его истории. То-есть, не в вымыслах писателей, а в фактах прошлого. Все факты прошлого указывают на чрезвычайное постоянство и упорство русского народа.

Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь,
Колом ее оттудова
Не вышибешь никак.

Не так важно: какая именно блажь. Вот — лет сто тому назад втемяшилась социалистическая — правда, не в народ, а только в интеллигенцию — и даже все колья и дреколья революции ее не вышибли никак и до сих пор. Сидят Керенские и Зензиновы, Николаевские и Кусковы — "все в той же позиции" и все на том же "камне" и талдычат все те же слова. И на другой стороне, — сидят те же генералы и талдычат все те же слова. И там и там — одна и та же традиция — традиция общерусского упорства.

Вы скажете: упорство очень хорошая вещь, если за ним есть и что-то иное: разум. Или по крайней мере разум. Я вам отвечу: упорство — это характер. Бесхарактерный человек ничего путного не добьется ни при каких талантах. Нации не строятся гениями и героями — нации строятся упорными усилиями поколений и поколений средних людей. Гений и герой — это только вывеска, символ, если хотите, то и стимул. Это, так сказать, воспитательный фактор. И не очень хитро доказать, что большинство "героев" выдумано — как выдуманы и их красивые слова, оставшиеся в назидание потомству. Римскую Империю строил римский пахарь, британскую — английский купец, русскую — все эти землепроходцы, казаки, ходоки, монахи, купцы — и прочие: имена же их ты, Господи, веси... Потом все это символизируется — или в Петре Великом или в Архипе Осипове. Впрочем, в присутствии военных людей нельзя подвергать сомнению стратегические таланты Петра Великого, или знаменитую фразу Архипа Осипова.

Вот так — из года в год, из поколения в поколение, из века в век идет великая стройка. Она была бы невозможна, если бы люди — как это делала наша книжная интеллигенция — меняли бы свои "вехи", моды и идеи раз в пять лет. Единственный раз в русской истории — в первый и, будем надеяться, в последний, русская книжная интеллигенция пришла к власти: нельзя же отрицать, что Ленин и компания были типичными представителями русской книжной ителлигенции. Но и она, прдя к власти, проявила то же упорство, и вот уже тридцать три года втемяшивает России и миру кровавую блажь о мировой коммунистической революции.

Когда в Германии Гитлер шел к власти — вся не нацистская общественность орала на всю Германию и на весь мир: Гитлер погубит страну. Но когда Гитлер к власти пришел, вся общественность и даже самые заклятые враги национал-социалистов — социалисты просто, — пошли под гитлеровскую команду без всяких разговоров. У нас это было бы невозможно. Да это и оказалось невозможным.

Таким образом, русская эмиграция попав в иностранное окружение, начала как-то сравнивать. Боюсь, что это сравнение еще не продумано до конца.

Вместе с остальными общерусскими свойствами наша старая эмиграция вынесла из нашей старой России и еще одно качество. Его можно было бы назвать честностью, бескорыстием или несколько прозаичнее — финансовой порядочностью. Примеры:

Немецкий "идеалист" Гитлер заработал на своих идеях шестьдесят миллионов марок — они, правда, пропали, но ведь пропала и Германия. Русский "идеалист" Ленин не заработал ни копейки. В другом лагере: всякий добропорядочный европейский монарх имеет текущий счет заграницей — мало ли что может случиться? Государь Император Ни-

колай Второй последние пять миллионов, бывших на иностранных переходящих счетах Удельного ведомства, пожертвовал на Красный Крест — и в эмиграции Династия оказалась совершенно без копейки. Итальянская Савойская Династия и испанская Бурбонская, вероятно, не доходили до того, чтобы законный правопреемник Престола работал бы простым рабочим, — как пришлось работать Великому Князю Владимиру Кирилловичу. А сколько врали наши левые о колоссальных богатствах Дома Романовых, — спрятанных в иностранных банках на случай революции! Оказалось — не спрятано ни копейки.

Русский народ есть народ чрезвычайного — вероятно беспримерного в истории упорства. Русская эмиграция есть сколок с этого народа — правда с очень нарушенными пропорциями. И если бы меня спросили, что является основной чертой этой эмиграции, я ответил бы: упорство.

Около тридцати лет тому назад люди сказали большевизму: "нет" и ушли в эмиграцию. Все эти тридцать лет каждый из них стоит на прежних позициях. Есть, конечно, и исключения — на два или три миллиона людей их можно насчитать несколько тысяч. Но вся остальная масса эмиграции — процентов девяносто пять, а, может быть, и девяносто девять, следуют завету великого Мирабо: j'y suis, j'y reste или рецепту протопопа Аввакума: стоять "до скончания".

В самом деле: если исключить из нашего политического каталога такие эфемерные явления, как евразийцев, младороссов, солидаристов, то мы увидим, что весь этот каталог с чрезвычайной степенью точности повторяет партийную расстановку Государственной Думы. Все остались на своих местах: j'y suis, j'y reste. Остался даже и союз объединенного дворянства, который в Париже занимается генеологическими изысканиями. Остались интеллигентные мечтатели, которые занимаются изысканиями по части нравственно-политического самоусовершенствования. Р. Абрамович все еще считает себя пролетарием всего мира, а корнет Анасенко пишет хорошие статьи и все еще именует себя корнетом. Кто-то, как я уже об этом докладывал, совсем всерьез принимает себя за надворного советника. Я как-то — еще перед войной — описывал старичка, продававшего на церковной паперти газету. Одет был старичок в нечто очень рваное, но на его голове была дворянская фуражка с красным околышем.

В душе этого старичка было то же наше общерусское упорство.

НАШИ ЗЛОДЕЯНИЯ

Еще одна, на этот раз совершенно еретическая мысль. Политика, это вообще дело чрезвычайно грязное. И, пройдя всякие иностранные мытарства, мы в этом убедились на собственном горчайшем опыте. Мне было бы трудно отрицать, что я волею судеб стал профессиональным политиком. Позвольте мне сказать, это этот сорт людей в его русском издании, оказался более порядочным, чем какой-либо иной слой в русской эмиграции. Я думаю, что в мире нет таких денег, которыми можно было бы купить мои политические убеждения, но я также уверен в том, что нет в мире денег, которыми можно было бы купить политические убеждения Керенского или Абрамовича. Если исключить покойного П. Милюкова — о котором я придерживаюсь самого низменного мнения, то я, просто, не знаю профессиональных политиков, которые бы продавались, как продались ген. Скоблин или еп. Вениамин. Были сменовеховцы, которые проповедывали эволюцию советской власти, — так они и сами поехали в СССР и сами эволюционировали там — через Соловки на тот свет. Из остатков сменовеховцев выросли евразийцы, которые проделали приблизительно ту же эволюцию. Были младороссы с их совершенно нелепым лозунгом — "Царь и Советы", — но те младороссы, которых я знал лично — были людьми кристальной честности. Теперь пока что существуют солидаристы. Их способы пополнения партийной казны разнообразны до чрезвычайности, но я не знаю случая, когда эти способы были использованы для личного обогащения. Есть у них пресловутый пункт 15-ый — самоучитель провокации для разложения эмигрантских организаций, но ведь это делается во имя ИСТИНЫ, — а истина вся находится в портфеле редакции "Посева".

В нашей правой печати, которая вообще говоря отличается от всякой иной в мире, своей необычайной кустарщиной, приняты ламентации на тему о нашей раздробленности, о нашем неумении объединиться и о всем прочем в этом роде. Недавно я приводил даже и такое избранное место из творений представителя пророка Исаии на Аргентинскую республику: о наших "злодеяниях", которыми мы, де, "плюем в окровавленный лик Христа". Сказано, что и говорить, здорово, но только все это — вздор. Никаких там "злодеяний" нет. Есть обычная человеческая суета, обостренная болью за Россию. Каждый из нас имеет или думает, что имеет, самолучшие рецепты спасения и возрождения России. К этим рецептам примешивается "табель о рангах", остатки древнего местничества и то, что немцы называют гельтунгтриб — тяга к значительности. Очень приятно быть каким-нибудь председателем верховного совета общенационального объединения царевококшайских надворных советников — все-таки какое-то "социальное положение". Но это — вещь общечеловеческая: menschliches, allzumenschliches. У нас она, пожалуй, несколько недоразвита. В русском языке так и не выработалось дворянской частицы "фон" или "де" и никто у нас не будет обращаться к даме "госпожа надворная советница", — в Германии это обычно. И если в Англии кивок лорда возносит среднего смертного если не на седьмое, то во всяком случае на пятое небо, то у нас аристократия собственно никакого общественного интереса не вызывала и отдел светской хроники в наших дореволюционных газетах отсутствовал начисто. В любой даже и социалистической английской газете вы найдете отчеты о том, как лорд Чортсбери уехал на курорт или во что была одета лэди Хамсбери, — у нас этого не было и нет. Да, есть и слабости. Но только они выражены все-таки менее резко, чем у других народов и групп.

Я как-то уже рассказывал — в Берлине — до войны, в пропагандаминистериум сидел такой русский немец — д-р Маурер или Маурах. Мне с ним приходилось иметь дела по поводу издания моих книг на иностранных языках. В это время немецкое издательство предлагало мне очень крупный аванс за роман из советской жизни. Доктор Маурах советовал мне плюнуть на эмиграцию — русскую эмиграцию, ибо она, де, все равно никуда не годится, и заняться романом. Потом д-р Маурах по поручению германского правительства объехал почти всю Европу в целях объединения заграничных немцев, "аусландсдейтше", и, необъединив, признался мне: немецкая эмиграция на много — очень на много хуже русской. Здесь ,в Буэнос Айресе, мне недавно сообщили, что особенно много неприятностей имеют власти от немецкой и французской эмиграции. Да и русская, к сожалению, занимается доносами. Их нужно было бы прекратить хотя бы в силу их полной бесперспективности. Но я прожил десять лет в Германии и могу засвидетельствовать: такого количества доносов, каким обмениваются немцы — я еще нигде не видел и не слыхал. Деревня, и та доносит друг на друга по конвейеру, потом судится, потом садится, потом опять судится — нет, у нас еще не так плохо.

В довоенном — до второй мировой войны, Париже, с его чрезвычайно пестрым составом русская эмиграция занимала последнее место по проценту преступности. В Праге русская преступность была равна нулю: не было зарегистрировано ни одного уголовного деяния со стороны русской эмиграции. И все это в тех условиях, когда в Париже большинство русских вообще не имело законного права на труд, а в Чехии братья славяне, ограбившие Россию при отступлении колчаковской армии, попрекали русских каждым заработанным ими куском хлеба.

Для правильной оценки нашей эмиграции нужно ее с чем-то сравнить — ибо только сравнением достигается познание. Нельзя сравнивать эмиграцию с НЕ эмиграцией. И даже нельзя сравнивать эмиграцию с ИММиграцией. Немецкие колонии во всех Америках есть результат ИММИграции. Это не эмигранты — это только переселенцы. Они покинули свою родину для того, чтобы делать здесь деньги. Принципиально — если исключить войну и оккупацию — они могли в любой день приехать обратно, но все-таки — ubi bene ibi patria — где хорошо, там и родина. Русская эмиграция только в Америке, да и то лишь частично, начинает денационализироваться и рассматривать свое американское пребывание, как постоянное и окончательное. В остальных странах нет и этого.

(Продолжение следует).

Настоятельно просим наших представителей и подписчиков, проживающих в САСШ, пересылать подписную плату за газеты и все суммы, причитающиеся редакции, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО по адресу:

Mrs. Marina Kingstone 11, Wolfe Ave. San Rafael. Calif.

Б. Башилов

Беспартийный Царь или новый партийный диктатор?

Если бы упреки в реакционности, которые адресуют современным монархистам большевики, меньшевики и солидаристы были верны, то ознакомившись с Декларацией монархического движения, все монархисты должны бы были в ужасе и печали посыпать себе пеплом головы... Что же это в самом деле такое? Что же это за Декларацию приняло Чрезвычайное Собрание в Мюнхене, на котором присутствовали уполномоченные почти из всех стран мира?

Какого пункта Декларации не коснись, сплошная прогрессивность...

"...Насильственной реставрации монархического строя монархисты не преследуют ,а признают только монархию, созданную на основе свободного волеизъявления народа".

О восстановлении сословных привиллегий нет и речи, наоборот, будущее общество, по мнению монархистов, должно быть построено не на сословных или партийных началах и потому "сословные или партийные привиллегии не должны существовать..."

Монархисты за отдачу земли крестьянам и против восстановления помещичьего строя.

Монархисты "за создание таких форм взаимоотношений предпринимателя и рабочего, при котором обе стороны были поставлены в условия социальной справедливости, творческой заинтересованности и достойного правового и экономического существования".

Короче говоря, "Декларация монархического движения" документ столь же прогрессивный, как и программа Лиги Народной Свободы, как беззастенчиво разрекламированная солидаристами Программа Национально-Трудового строя.

И если монархисты после появления столь прогрессивной декларации не посыпают себе пеплом головы, то только потому, что все вопли меньшевиков и солидаристов о их реакционности являются беззастенчивым трюком пропаганды противников восстановления Русской монархии, и монархисты, как это показывает декларация, стоят вполне на уровне передовых политических идей современности.

Русские монархисты, как показывает декларация, стоят также "за Национально-Трудовую Россию", тоже провозглашают солидарность, как ведущий принцип государственного строительства.

Русские монархисты, как и господа из Лиги Народной Свободы и члены партии Солидаристов стоят также и за неприкосновенность личности, свободу печати и все прочие прекрасные вещи, которые, по мнению левых политических деятелей, отличают их от реакционеров и реставраторов.

Итак ,оказывается, что социальная программа у монархистов и у левых в основных вопросах одна и та же? Да, это так, но это ни в коем случае

Декларация Монархического Движения

Памятуя, что только на почве своего исторического прошлого могут эволюционировать и процветать народы; памятуя, что Россия стала подлинно правовым государством и благоденствовала до тех пор, пока она была отечески объединена Православным Самодержавием в единый христианский самобытный государственный организм, вмещавший в себя и народности нехристианских религий; что единением народа с Церковью, а через Церковь, внутри ее, со своим Православным Самодержавием, создавалась крепла и держалась Великая Императорская Россия, и считая для себя непререкаемыми пожелания и указания, данные в новогоднем обращении от. 28-го декабря 1948 г. Его Императорским Высочеством Великим Князем Владимиром Кирилловичем — Монархическое Движение обращается ко всем русским людям со следующей декларацией:

1. Монархическое Движение имеет целью восстановление в России законной Монархии под скипетром Государя из Дома Романовых, согласно Основным законам Российской Империи о порядке наследования Престола, каковым является Его Императорское Высочество Великий Князь Владимир Кириллович.

2. Монархическое Движение видит залог возрождения и благоденствия будущей России под благодатным осенением Православной Церкви в действительном единении Царя с народом, призванным в лице своих избранников для участия в великом деле устроения государственной и общественной жизни.

3. Монархическое Движение считает, что начало Императорской наследственной власти, послужившее созданию великого и независимого Государства, есть единственный для России принцип, устраняющий всякие иные, чуждые построения, не имеющие ни исторической почвы, ни действительного оправдания для того особого культурно-исторического пути развития, какой совместно прошли народы России.

4. Монархическое Движение полагает, что прочное государственное устройство России должно быть основано на разумном восприятии глубоких перемен в народной жизни, как результата пережитой революции и периода большевистской диктатуры.

5. Монархическое Движение особо подчеркивает, что не преследует цели насильственной реставрации в России монархического строя, но зиждется исключительно на уверенности, что народы России, получив возможность свободно выразить свою волю, выскажутся за этот строй, при котором в России царили право и правда, вера и верность.

6. Признавая волеизъявление народа для себя обязательным законом, Монархическое Движение примет тот режим, какой пожелают установить народы, населяющие Россию. Конституцию Государства народ установит свободно через своих избранников.

7. Отстаивая со всей силой своих убеждений монархический принцип как в зарубежьи, так и после возвращения на родину, монархисты будут служить России и в случае установления республиканского строя, оставляя за сооой право лояльно пропагандировать монархическую идею и ожидая от своих идеологических противников такой же лояльности в случае принятия народом монархической формы правления.

8. Не предопределяя, таким образом волеизъявление народа, монархисты должны открыто проповедывать свои цели и снимать всюду и всегда те лживые наветы, которые в результате вековой недобросовестной пропаганды исказили в глазах молодого поколения и иностранцев истинную сущность Российской Монархии.

9. Монархическое Движение провозглашает принцип религиозной терпимости и защиту законом религиозных культов, за исключением носящих признаки человеконенавистничества.

10. Монархическое Движение признает за каждой национальностью право на самую широкую культурную и экономическую автономию и самоуправление.

11. Будущее общество Монархическое Движение считает необходимым построить не на сословных или партийных началах и потому никакие сословные и партийные привиллегии не должны существовать.

12. Все граждане должны быть равны перед законом и самые законы должны быть переработаны в соответствии со структурой и интересами общества.

13. Основным социальным элементом будущей России должна стать личность человека в ее служении государству и обществу, охраняемая законом от всякой эксплоатации, как со стороны государства, так и отдельных социальных групп. Должны быть установлены неприкосновенность личности и жилища, свободный выбор труда и свобода перемещения.

14. Общественная инициатива должна развиваться в условиях свободы слова, печати, собраний и профессиональных организаций.

15. Организационными формами общественно-культурной и экономической деятельности должны стать в первую очередь земские и городские самоуправления и кооперация.

16. Правильное развитие и функционирование общественных организаций делает недопустимым реставрацию излишне централизованных форм административного управления и административного вмешательства в местное самоуправление.

17. В строительстве будущей России перед государственной властью будут стоять следующие три основные задачи:

ПЕРВАЯ. Укрепление геополитической независимости нашей Родины, так как территориальное равновесно в мире нарушено, с одновременным уважением к территориальным правам соседних государств.

ВТОРАЯ. Построение такого единого государственного организма, внутри которого с наименьшими трениями осуществлялся бы исторический процесс естественного и свободного сростания многочисленного населения России в единое государственное целое.

ТРЕТЬЯ. Осуществление ряда социальных реформ, которые разрешали бы коренным образом следующие проблемы:

а) Аграрную в смысле установления права частной собственности на землю земледельцам, на ней трудящимся и трудившимся; в предоставлении права земледельцу выбора формы землевладения, а именно: единоличного (хутора, отруба), артельного или иного общественно-организованного.

Восстановление помещичьего землевладения решительно устраняется.

Правильному решению аграрного вопроса Монархическое Движение придает исключительное значение, как вопросу не только социально-правового устроения значительной части населения, но и как проблеме громадного государственного и политического значения.

б) Рабочий вопрос желательно разрешить путем создания таких форм взаимоотношений предпринимателя и рабочего, при которых обе стороны были бы поставлены в условия социальной справедливости, творческой заинтересованности и достойного правового и экономического существования.

В особенности необходимо покончить с наиболее вредными формами государственного капитализма, неизбежно ведущими к закрепощению работников промышленности.

Монархическое Движение утверждает принцип частной собственности на промышленные предприятия, недвижимое имущество в формах единоличного владения или кооперативных товариществ.

Одновременно признается желательным разукрупнение государственной промышленности, представляющей достояние народа с передачей некоторой ее части частным предпринимателям, общественным организациям и кооперативным товариществам.

18. Организация милостивого и равного для всех суда, социального законодательства, охватывающего все стороны жизни народа: социальную помощь ,охрану труда, призрение инвалидности и старости.

19. Тщательное национально-религиозное воспитание и образование народа. Организация школ различных типов, имеющих целью дать каждому право и возможность стать полезным членом общества.

Установление принципа бесплатности начального образования.

Организация сети внешкольных культурно-просветительных учреждений.

20. Активная, но миролюбивая политика во внешних отношениях при условии сохранения национальной независимости и чести.

21. Неответственность народа за деяния советской власти. Широкая амнистия всем, кто честно примет новую социальную и государственную структуру, за исключением лиц, совершивших тяжкие преступления против нации и личности.

Монархический Съезд, обращаясь к русским людям от лица Монархического Движения с настоящей декларацией, считает, что ее положения являются основой освобождения российских народов от режима угнетения и определяют пути их развития и благоденствия.

не приведет к миру с социалистами явными и скрытыми. Наоборот, надо ожидать нового взрыва клеветы и обвинений монархистов в реакционности. И именно потому, что программа современного Монархического Движения является вполне прогрессивной.

В чем же тогда дело, может спросить читатель. А дело в том, что прогрессивный характер политической платформы современного монархического движения делает ненужным существование различных партий и "измов", выросших на западных дрожжах. Новый поток клеветы будет тем яростнее, чем сильнее будет сознание собственной ненужности.

Причина ненависти к монархистам будет то же самое, что было причиной ненависти со стороны левых к Власову и власовцам. Власов и власовцы показали, что они могут обойтись без руководства со стороны левых партий. И Декларация монархистов, отвечая всем надеждам народа, тоже оставляет меньшевиков, солидаристов, вообще всех профессиональных политиканов, не у дел.

Социальная программа монархистов не менее передовая, чем у левых, но кроме того, на стороне монархистов имеется еще огромное преимущество в виде национальной, веками проверенной формы государственности, благодаря которой, несмотря на все ошибки, Россия стала величайшей Империей мира. А меньшевики и солидаристы нацональной форме государственности могут противопоставить только свои партийные вымыслы и социальные фантазии.

И, наконец, Русская монархия, если ее пожелает народ, будет государственностью беспартийной, ибо монархисты (см. пунк 11) не только против сословных привиллегий бывшим дворянам, графам, князьям, но и против партийных привиллегий. А в государствах, которые будут строиться на фантазиях господ Абрамовичей и Байдалаковых, все будет держаться на партийных идеях и на партийных привиллегиях. В одном случае будет беспартийная, бессословная национально-трудовая Царская Россия, в другом случае будет партийное государство, в котором все лучшие места в жизни снова будут захвачены членами господствующей партии, меньшевистской или солидаристской, и беспартийному человеку ,интеллигенту, рабочему или крестьянину снова не будет места в России. Вместо пяти миллионов членов ВКП(б) и комсомольцев на народной шее будут сидеть пять миллионов партийцев и комсомольцев, которые будут только называться уже не коммунистами, а солидаристами. Кому от этого будет легче?!

И вопрос стоит так: или народ добровольно выберет надпартийного вождя — беспартийного Царя, или получит вместо большевизма новую партийную тиранию, а вместо Сталина нового партийного диктатора, и будет мучиться еще десятки и десятки лет.

Если нам и после большевизма не поможет опыт всего пережитого, то нашему народу будет суждено испить, может быть, еще более горькую чашу партийного безумия. Ибо: "когда зло не хотят победить рассудком, то оно побеждается страданиями", как справедливо заметил Н. Лесков.

Предсоборное Присутствие 1906 г.

Предсоборное присутствие 1906 г., созванное по инициативе Государя Императора, является в жизни русской церкви и русского государства совершенно исключительным явлением, как по своему составу, так и по возложенной на него задаче. Впервые в истории составилось невиданное доселе собрание для пересмотра всех основных вопросов государственного и канонического права, связанных с предстоявшей реформой церковного управления и положения церкви в государстве, для ликвидации установленного Петром Первым цезарепапизма. Реформа призвана была начать трансформацию всей русской правовой культуры, сделав необходимым пересмотр Основных Законов, инициатива в пересмотре которых даже после издания новых Основных Законов 23 апреля 1906 года, оставлена была только за Государем Императором.

Во Всеподданнейшем докладе обер-прокурора, представленном в марте 1905 года Государю, говорилось: "С молитвой к Царю царствующих на точном основании церковных канонов величайшей важности ,обсудив вопрос о желательном преобразовании в постановке у нас Православной Церкви, Св. Синод признает существенно необходимым пересмотреть нынешнее государственное положение Православной Церкви в России, ввиду изменившегося положения инославных исповеданий, глаголемых старообрядцев и сектантов и преобразовать церковное управление, руководствуясь Церковными канонами и историей церковного управления, как в России, так и в других Поместных церквах". "Основой высшего церковного управления по каноническому праву, говорит далее доклад, является Поместный Собор всех епископов области с митрополитом или патриархом во главе.

Собрание епископов без митрополита или патриарха не считается законным, и постановление его действительным. Но и патриарх или митрополит, управляющий церковной областью ничего да не творит без рассуждения всех".

"Озабочиваясь устроением внутренней жизни Православной Русской Церкви на началах Канонического соборного управления, **при полной автономии церкви во всех собственно церковных делах** и имея ввиду господствующее положение Православной Церкви в Российском государстве и положение оной среди других Поместных церквей, Св. Синод полагает в состав Синода ввести наряду с постоянными членами (Митрополит Московский, Киевский, С. Петербургский и экзарх Грузии) членов, вызываемых по очереди из иерархов Российской Церкви, и возглавить оный чести ради российского государства, патриархом, со всеми каноническими полномочиями областного митрополита и Всеподданнейше испросить Высочайшее соизволение на созвание в Первопрестольном граде Москве волей Вашего Императорского Величества в благопотребное время Поместного Собора из всех епархиальных архиереев Православной Российской Церкви и предоставить им для устранения Синодального Управления избрание Всероссийского Патриарха и разрешение вышепоставленных и других вопросов, быть разработанными в Св. Синоде". По этому проекту Патриарх избирался, ставился и судился Собором своих епископов. С этим проектом мы переносимся сразу в сферу власти церковной, независимой от государства. До сих пор Синод был учреждением, созданным властью Государя ,в своем составе набирался по полугодиям обер-прокурором — представителем власти государственной. Он не почитался учреждением соответствующим канонам, ни богословами, ни иерархами, ни осведомленными в канонических науках мирянами и признавался лишь в том смысле, что ему следует подчиняться пока не восстановится канонический строй, ибо без него получилась бы полная анархия в жизни Церкви.

С восстановлением же патриаршества связывалась идея, что с ним прекратится двухсотлетнее пленение Церкви, которое оставило ее обезглавленной и потому лишенной приличествующего ей одушевления и дерзновения, когда лучшие духовные силы удалялись в леса и пустыни. Богомольцы с Востока выражали глубокую печаль о том, что у нас нет отобразителя Божественной силы и любви, каким является Патриарх, торжествующий над бушующим морем племенных распрей и разрозненных народов, примирителем всех в любви и благоговении перед собой, отображая в себе Христа, распятого за наше спасение и оправдывающего этим Его предречение "егда вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе" и этой духовной радости мы были лишены. Выражалась надежда, что с обновлением церковного строя, обновится и весь наш народный быт: "он повернул, — писал митрополит Антоний Храповицкий, главный глашатай восстановления патриарших начал в 1906 году, — на ложную дорогу заимствования нехристианских начал с Запада, вместе с кончиной последнего Патриарха (1700 г.), и с тех пор выработался тип русского нигилиста, из которого возник теперь ужасающий всю вселенную безобразный мятеж против Родины и Христианской Веры. Исполнился Божий глагол: "поражу пастыря и рассеются овцы". Но я уповаю, что с возрождением установленного Божественным Духом и Вселенскими Соборами канонического строя, опять умножится вера, окрепнет надежда и расцветет любовь на Христианской Руси, и как лишение Церкви ее главы положило начало отступлению от благочестия, так восстановление главы ее положит начало возвращению общественной жизни к истинным христианским началам. И да будет это возвращение еще более славным, чем в древней Руси!"

В октябре 1905 года, в эпоху всеобщего шатания, Государь Николай Второй снова вернулся к мысли о намеченной Им церковной реформе и церковно-государственных отношений и потребовал созыва особого присутствия, которое и собралось 6 марта 1906 года и продолжалось почти два года. Пользуясь полной свободой в обсуждении поставленных ему задач, Предсоборное Присутствие пошло дальше предложений обер-прокурора: оно расширило права Патриарха, предоставив ему исключительное право обращаться с учительным посланием ко всей пастве, предоставив самим епископам право избрания патриарха, равно и Синода при нем. Оно предоставило суд над патриархом не собору своих епископов, а только всем другим патриархам, восстановило и право печалования патриарха перед Государем, о котором я столько говорил в связи с митрополитом Филиппом и с патриархом Никоном.

Так Предсоборное Присутствие восстановило возглавление Церкви первоиерархом, которым был с начала Руси до Царя Федора Иоанновича митрополит, а с 1591 года до Петра Первого патриарх, как было и во всех других поместных церквах. Предсоборное Присутствие внесло коренные изменения в основные законы. Так: 64-ая статья Основных Законов издания 1906 г. повторяла прежнюю 42-ую статью (изд. 1892 г.), гласившую: "Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого во Святой Церкви благочиния. В сем смысле Государь в Акте о престолонаследии 5 апреля 1797 г. именуется Главой Церкви". Предсоборное Присутствие выразилось иначе, отбросив двусмысленное название "Главою Церкви": "Император, как православный государь, есть верховный защитник господствующей церкви и охранитель ее благоустройства". Статья 65-ая Основных Законов издания 1906 г. (прежняя 43-ья ст. изд. 1892 г.) гласила: "В управлении церковном самодержавная власть действует посредством Синода, ею установленного". Предсоборное Присутствие выразилось иначе: "в отношении Православной Церкви самодержавная власть действует в согласии с признанными ею всероссийским церковным собором, постоянным Священным Синодом и предстоятелем Православной Церкви Патриархом". В этом изменении Основных Законов самый корень церковной реформы. Трудно переоценить всю грандиозность размаха. Отброшено неканоническое мнение, что Синод мог быть установлен самодержавной властью. Высшие органы церковного управления установлены вселенскими канонами; установлена мысль, что церковная власть есть особое установление от государства независимое, что в поместной церкви устанавливается управление, основанное на согласовании воль государственной и церковной, согласование не конкордатное, но необходимое в силу природы власти церковной и государственной, стремящихся к одной цели разными средствами спасения человечества, вводимое в Основные законы. Проект этот был рассмотрен в комиссии при участии профессоров канонистов Бердникова, Остроумова, Алмазова и Красножена — всех подлинных противников цезарепапизма. Доказательством сочувствия Царя Николая Второго к этому является Его общая высокая духовная одаренность. Последняя обнаруживается в Его активном, а иногда и инициативном участии в высших проявлениях церковной жизни в государстве. Об этом говорит Его ближайшее участие в открытии мощей Св. Серафима Саровского, Акт о веротерпимости 17 апреля 1905 г., повлекший за собой издание Закона 1910 г. о старообрядческих общинах, установление Высочайшим рескриптом 12 января 1909 г. ежегодного всенародного молитвенного почитания памяти Отца Иоанна Кронштадтского в день его кончины 20 декабря (рескрипт опирается на то, что Царь следует не только "собственному душевному влечению нашему, но и обязанностям блюстительства по силе основных законов в Отечестве нашем интересов и нужд Церкви") свидетельствует об этом также назначение Государем срока прославления Св. Иоасафа Белгородского в 1910 г., вопреки обер-прокурору С. М. Лукьянову и Синоду, затягивавшему канонизацию в течение пяти лет, равно канонизации Св. Иоанна Тобольского и возобновление почитания мощей Св. Анны Кашинской, почившей с двуперстным крестосложением. Обнаруживается оно и из разговора Государя с депутацией от высших иерархов, пришедшей Всеподданнейше просить о созыве Поместного Собора для восстановления Патриаршества. Эта беседа имеет исторически важный характер и повествуется в мемуарах товарища обер-прокурора Синода. "Государь спросил, есть ли у иерархов намеченный кандидат на патриарший престол. Этот вопрос озадачил депутацию, которая не была к нему подготовлена. После некоторого замешательства последовал отрицательный ответ.. Тогда Его Величество осведомился у депутации, согласились ли бы иерархи, чтобы на патриарший престол Государь Император выставил сам свою кандидатуру. Произошло еще большее замешательство и на вопрос Государя последовало гробовое молчание". Что у Государя в глубине души крепко лежала идея замены монаршего престола на иноческий сан, видно из того, что уже за три года до этого зимой 1904 г. Государь Император с Императрицей Александрой Федоровной приезжал к Митрополиту С. Петербургскому просить благословения на отречение от прародительского трона в пользу недавно пред этим родившегося Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, с тем, чтобы по отречении постричься в монахи в одном из монастырей. Митрополит отказал в благословении на это решение, указав на недопустимость строить свое личное спасение на оставление без крайней надобности своего Царственного долга, Богом Ему указанного, иначе Его народ подвергнется опасностям и другим случайностям, кои могут быть связаны с эпохой регентства во время малолетия Наследника. По мнению Митрополита, лишь по достижении Цесаревичем совершеннолетия, Государь мог бы оставить свой многотрудный пост". Оба раза Государь склонился перед духовным авторитетом, но вопрос остается вопросом, было ли это побуждение Государя вопросом лишь личного спасения, а не выражением понятого Им блага России.

Михаил Зызыкин,
Б. Профессор государственного и канонического права.

В "Фонд Издательства" поступило: от Е. Б. — 5.000 фр. фр.; от Ди-Ли из лагеря на Филиппинских островах — 37.30 долл.; по под. листу ном. 69 от Б. Б. — 10 долл.; по подп. листу ном. 26 — 60 гуарани, в числе которых от М. Ретивова — 5, от Л. Оссовского — 5 и от М. Мартыновой — 5 гуарани; по подп. листу ном. 97 — 65 долл.,, в числе которых от Н. Андреева ст. — 5 долл.; по подп. листу ном. 77 — 5 долл.; по подп. листу ном. 63 — 5.50 долл. ,в числе кот. от Е. М. Мальцева — 1 долл., от Л. М. Тимофеева — 1 долл. и от А. Хромова — 1.50 долл.

УРОКИ ИСТОРИИ

Под таким заголовком в нью-йоркской "России" появилась статья Ф. Пучкова, пытающаяся анализировать "уроки истории", в данном случае уроки нашей гражданской войны. Ф. Пучков повидимому имеет огромный военный и административный стаж в этой войне; он его приводит достаточно подробно. Ф. Пучков пишет:

"Легко понять постоянный интерес к событиям гражданской войны со стороны ее участников после всего пережитого ими в эти трагические годы. Но едва ли стоит возвращаться к ним и бередить никогда не заживающую рану, если не пытаться одновременно осмыслить их и вывести заключения, полезные для будущего".

"Заключения, полезные для будущего", нам сейчас очень нужны. Мы стоим на пороге третьей мировой войны, которая неизбежно примет характер гражданской войны и в которой часть русских сил может — вольно или невольно — повторить ошибки наших белых армий. Основную причину их поражения Ф. Пучков видит в крепостном праве:

"...Если бы теперь мне пришлось отвечать на вопрос о главной причине поражения белых, то я не колеблясь назвал бы таковою крепостное право, или вернее, то проклятое неизжитое наследство, которое это страшное зло русской жизни оставило нашему поколению.

Зло было сделано, величайшая социальная несправедливость совершена, миллионы коренного населения, обязанного наравне со всеми строить и оборонять Россию, были отданы в рабство, по живому телу нации прошла глубокая рана. Основной порок в строении русского общества — разрыв между верхом и низами его — был обязан больше делению их моральному, а не интеллектуальному. Чтобы изжить резкую разницу между людьми в образовании, достаточно нескольких лет хорошей школы, но заставить быстро забыть вековую несправедливость не по силам никому. У именитых московских людей Морозовых и Сытиных ее не заглушили ни миллионное состояние, ни привиллегированное положение.

По своим последствиям этот внутренний недуг, разъедавший нацию, был неизмеримо тяжелее, чем Татарское иго, пришедшее извне и бившее одинаково по всем.

. . . . . .

Очень скоро мы все убедились, что бесполезно искать нужный людской материал в местах, соприкасавшихся с редкими помещичьими усадьбами. Здесь не помогала никакая агитация ,а в то же время она была не нужна в здоровых районах.

Еще разительнее было положение, создавшееся на Уральских заводах. Рабочие всех казенных заводов — Ижевского, Воткинского, Михайловского, Саткинского и других — оказались в рядах контрреволюции, все частновладельческие заводы, когда-то обслуживавшиеся крепостным трудом, поддержали большевиков.

В свое время в "Голосе России" я описывал положение на Киевщине: деревня, — хотя и бывшая крепостная, — встретила Белую Армию, как спасительницу. Провожала — как Гитлера. И, как мне кажется, Ф. Пучков не совсем прав, перенося вопрос из области политики в область географии: не б ы в ш е е крепостное право сыграло решающую роль, а вооруженные попытки части поместного слоя вооруженным путем восстановить свои права. Деревня массой хлынула к Белой Армии — потом отхлынула, потом восстала — и пламя восстаний ген. А. И. Деникин пытался потушить артиллерийским огнем!

Зачем все это нужно вспоминать сейчас? Для ликвидации большевизма остатки нашего поместного слоя не могут сделать ничего: ни помешать ,ни помочь. Но в деле восстановления монархии они более опасны, чем все керенские вместе взятые.

ВО ВРЕМЯ

Информационная заметка из парижской "Русской Мысли":

Союз дворян

При совете Союза русских дворян открыто и приступило к работе справочное бюро, а при нем секции: интернациональная, по устройству лекций, Чашки чая, кружка русской дворянской молодежи и вспомоществования. Возглавляет справочное бюро, как и его пять секций, генеральный секретарь Союза. Справочное бюро выдает спарвки по вопросам генеалогическим (не затрагивая функций родословной комиссии), геральдическим, историческим, б. военным; делает розыски по делам наследственным, о лицах, пропавших во время войны 1914-18 и 1940-45 годов, так и умерших в эмиграции; способствует членам Союза в проведении их дел во французских учреждениях и т. д. Плата по всем справкам и делам по соглашению с заинтересованным лицом. Родословная комиссия Союза попрежнему продолжает свою деятельность.

...Не перевелись еще на Руси богатыри политического такта!

Об Н.Н.Рузском

В ном. 32 "Нашей Страны" я указал на то, что г-н Н. Рузский, бывший глава "Имперского Союза" вел кампанию против Великого Князя Владимира Кирилловича. В ответ на это замечание я получил от Н. Рузского письмо в редакцию, совершенно исключительное по своей грубости. В этом письме мне предъявляется обвинение в клевете. В ответ на это обвинение привожу выдержку из Бюллетеня "генерального представительства Имперского Союза в Южной Америке "от 10 декабря 1949 года.

"Н. Н. Рузский стоял во главе Верховного Совета и носил звание "Глава Союза" до 1939-го года, когда, на многочисленном собрании, им была произнесена речь, содержавшая совершенно недопустимые выражения по адресу Е.И.В. Великого Князя Владимира Кирилловича и даже Е.И.В. Государя Императора Николая Александровича. Вследствие этой речи Н. Н. Рузский, по постановлению Верховного Совета, был отстранен от возглавления Союза и фактически совершенно отошел от дел. Вне всякого сомнения это скандальное выступление стало бы широко известно во всей эмиграции, если бы начало Второй мировой Войны не затмило собою все остальные события, и вряд ли было бы возможно ожидать возвращения Н. Н. Рузского на общественную, да еще монархическую, работу.

"В 1948 году, находясь в Мадриде, Н. Н. Рузский счел возможным возобновить свои недопустимые выступления против Е.И.В. Великого Князя Владимира Кирилловича, что вызвало новое возмущение не только в рядах Союза, но и в широких монархических кругах. Ввиду нежелания Н. Н. Рузского прекратить свои выступления, Члены Верховного Совета сочли дальнейшее свое сотрудничество с ним невозможным..."

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

Медведев даже оглянулся по дороге к двери: ну, и чучело гороховое, нед мат он еще раз. Но Берман сделал полтора шага навстречу Серафиме и подал ей руку. Медведев, как минут десять тому назад Чикваидзе, совсем собрался было плюнуть, — но как и Чикваидзе удержался. Нет, Завойко тут путает: никакой агентуры, агентуру так не демонстрируют. Товарищ Медведев был уверен только в одном: в том, что товарищ Берман ничего не делает спроста. И при всем его физическом отвращении к Берману, тов. Медведев з н а л : творцом или, по крайней мере одним из творцов, данного ведомства со всеми его аксесуарами был товарищ Берман. Так что отвращение смешивалось с уважением. Примерно в пропорции пятидесяти к пятидесяти. В данный момент товарищ Медведев искренне желал, чтобы Берман утонул где-нибудь в болоте...

Но это были только мечты. Возвращаясь к реальной действительности, Медведев взял на себя роль гостеприимного хозяина.

—Так что, товарищи, давайте расписание поездов: кто, куда и насколько. Я, значит, по тетеревам. Вы, товарищ Берман?

Товарищ Берман вынул изо рта папиросу.

—Мне, в сущности, все равно; рыба тут есть?

—Так точно, товарищ Берман — удивленно сказал Медведев. Представить себе товарища Бермана с удочкой в руках — было как то затруднительно. — Вот туда, версты три-четыре, омуток такой, рыбы там — на две пятилетки хватит.

—Так вы меня снабдите — и удочкой и ружьем.

—Теперь — дальше к порядку дня: на какой час приготовить обед?

Товарищ Берман для чего то посмотрел на небо.

—На обед я вернусь в Неелово, так что вы, товарищ Медведев, не беспокойтесь. Кое-какая закуска у меня с собой.

Завойко был здесь своим человеком и в особенно тщательном уходе не нуждался. Чикваидзе свистнул свою постоянную собаку и постарался исчезнуть сразу и бесследно. Серафима Павловна своим прежним сладеньким голоском обратилась к Медведеву.

—А можно мне, товарищ Медведев, какую-нибудь корзиночку для грибков, охота — это не наше женское дело, а я бы к обеду свежих грибочков...

Серафиме Павловне было доставлено лукошко, Берману удочка и двустволка, Завойко во всем охотничьем всеоружии махнул приветственно рукой:

—Ну, а я — как и всегда — по уткам, по уткам!

Товарищ Трофим с его Чобом стояли неподвижно и монументально.

—Вы вот что, товарищ Трофим, — сказал ему Берман, — вы оставайтесь здесь, тут тайга, а не город.

Товарищ Трофим не ответил ничего. Берман зашагал по указанному Медведевым направлению; товарищ Трофим подождал минут десять и тронулся вслед за ним.

—Так что — ведь товарищ сказал, чтобы вам оставаться...— заметил один из беспризорников.

Товарищ Трофим обернулся своей лошадиной физиономией:

—А если товарищ начальник ногу сломает — кто отвечать будет, ты или я? А ты не в свое дело не лезь, понял?

***

У товарища Медведева в клубе была своя постоянная комната. Придя в нее, товарищ Медведев старательно и толково разложил на столе все принесенные с собою блага жизни, и через час его храп уже потрясал массивные стены охотничьего замка МВД. А вне этих стен — Серафима Павловна делала вид, что она ищет грибы, товарищ Берман делал вид, что он удит рыбу и генерал Завойко делал вид, что он стреляет уток. Где-то вдали, приехавший раньше товарищ Иванов просто спал и во сне все перелистывал свою таинственную книгу, а Степаныч шнырял по тайге, делая вид, что он выполняет данный ему Медведевым заказ: три штуки тетеревей.

ПРИРОДА И НАЧАЛЬСТВО

Когда Берман очутился в тайге, то, казалось, даже деревья и кусты стали смотреть на него с каким-то неодобрительным беспокойством. Бермановская фигурка, действительно, как-то не гармонировала с природой. Уже одна походка человека, который даже и по тротуарам ходить не привык, создавала впечатление чего-то чуждого. Двухстволка за плечами бы-

SOBRE LA DEMOCRACIA

E. Kuskova, trovador de la "democracia", afirma que "no pueden haber libertades, leyes e igualdad civil democráticas sin una prolongada educación del pueblo"... Y que "los revolucionarios rusos han recibido un mal legado de la monarquía de tres centurias de los Romanoff".

Ahora veremos cuál es la educación recibida por otros pueblos. En ese mismo número del "Novoe Ruskoe Slovo" (Nueva York, 2 de agosto de 1948), E. Kuskova comunica lo siguiente a su ilustrado auditorio:

"El profesor de psicología de la universidad de Columbia, Hollingwors, estudió verdaderas montañas de datos estadísticos, para determinar de alguna forma el retrato del "hombre mediocre". Es necesario agregar que el retrato no resultó muy atrayente. El hombre mediocre hasta en el conocimiento de la geografía local presenta muchas lagunas. Huelga hablar de la geografía universal. Posee las más elementales nociones sobre arte, literatura, derechos del ciudadano y obligaciones con respecto al estado. Su vocabulario, en la conversación, en la correspondencia, es extremadamente pobre: contiene sólo el 5 o|o de las palabras de un diccionario común. No es capaz de determinar razonando la diferencia entre monarquía y república, no comprende en absoluto el sentido intrínseco de los conceptos "evolución" y "revolución". Uno de estos hombres mediocres ha sido sometido a un examen de "inteligencia". Le fué planteado el problema: en una caja grande hay cuatro cajas pequeñas: ¿cuántas cajas hay en total? Un problema tan sencillo no pudo ser resuelto... "Tal clase de hombres, concluye Hollingwors, son presa para cualquier tipo de charlatanes, demagogos, vendedores de productos de dudosa calidad, etc."

En conclusión: siglos de verdadera educación democrática y, como resultado, el hombre no es capaz de decir cuántas cajas habrá si en una grande hay cuatro pequeñas. Luego, al hombre que no se encuentra en condiciones de llegar al resultado de cinco cajas, la "democracia" le propone para resolver las cuestiones de si vale la pena ayudar a la China blanca contra la roja o si tiene sentido disminuir el plan Marshall en mil millones más de dólares. Si dicho "hombre mediocre", aunque más no fuera, posee su cerebro en un estado *fisiológicamente* normal, sin hablar siquiera de su estado lógico, entonces respondería a esto:

—¡Qué me importa!

Tampoco le importa escribir novelas, hacer operaciones, construir templos o resolver cuestiones sobre la inflación o la deflación. El, el hombre mediocre, está interesado en que todas estas cuestiones no sean resueltas a costa suya. Y, por consiguiente, está interesado en que exista Alguien Insobornable, guardián de la "cuenta" del hombre mediocre.

Y si éste, el hombre mediocre, tiene el cerebro en su lugar, y no puesto de costado, debe considerar que sobre él debe encontrarse un "hombre ilustrado" y que sobre el "hombre ilustrado" debe encontrarse el Zar. Entonces el hombre mediocre no será engañado ni con programas políticos, ni con otros medios. Este punto de vista se encuentra lejos de cualquier "misticismo", es el punto de vista del sentido común.

ПОЛУЧЕНЫ В НЕБОЛЬШОМ КОЛИЧЕСТВЕ ИЗ ЕВРОПЫ КНИГИ БОРИСА БАШИЛОВА

"В МОРЯ И ЗЕМЛИ НЕВЕДОМЫЕ" — 4 пезо,
"ЮНОСТЬ КОЛУМБА РОССИЙСКОГО" — 3 пезо,
"НЕОБЫЧАЙНАЯ ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ АРИСТАРХА ОРЛОВА" — 3 пезо.

В САСШ и Канаду высылаются по получении двух долларов; пересылать в заказном письме по адресу:

M. TAMARZEFF Casilla de Correo 5511, Buenos Aires

Из отзывов о повести "Юность Колумба Российского"

"В книге есть то, что почти не встречается в оригинальных произведениях нашего книжного рынка — аромат и свежесть.

...Народная словесная стихия, по разному воплощенная Лесковым и Чапыгиным, коснулась и этой маленькой повести...

Средствами этого языка развернут пестрый и разнообразный быт Елизаветинской эпохи и обрисованы колоритные фигуры тогдашней провинции...

...Есть еще один источник свежести и аромата. Это — "юная" книга: есть в ней нечто светлое — мальчишеская легкость: это делает ее прекрасной книгой не только о детях, но и для детей".

В. М.
("Эхо", Регенсбург).

***

"Но спасибо автору, что он взялся за настоящее нужное дело. Мы, русские, плохо знаем своих героев, а Б. Башилов обещает нам еще две повести о них: "Галиоты идут в Америку" и "Юность Колумба Российского".

Сергей Петров,
("Посев")

***

"Кроме того, в ближайшие дни ожидается выход в свет новой книги Б. Башилова "Первый день в стране Чжан-Дзо-Лина", являющейся первой частью большого труда под общим названием "Необычайная жизнь и приключения Аристарха Орлова", представляющего собою, как нам удалось узнать, совершенно оригинальный вид творчества. В этой книге политическая сатира, исторические события, географические сведения, этнографические особенности и бытовые штрихи даны в форме "приключенческого" романа, пропитанного русским благородным патриотизмом автора".

("Обзор", Мюнхен)

ла, как седло на корове. Паучий взгляд, казалось, даже и в тайге выискивал оппозицию и контрреволюцию. Но Берману отношение природы к нему было совершенно безразлично. Он сам среди природы чувствовал себя чужаком. Хотелось поскорее вернуться в свой кабинет и там снова запутывать и распутывать нити и клубки допросов и заговоров. Если бы не особые обстоятельства, то никакими прелестями природа не заманила бы его на свое таежное лоно.

Берман, — все той же расхлябанной городской или даже канцелярской походкой, прошел около версты — перешел какую-то полянку — и, оглянувшись назад, — быстро юркнул за подходящий куст. Отсюда, из-за куста, он стал вглядываться в пройденный им путь. Вскоре на этом пути показалась жилистая фигура товарища Трофима — с Чобом на сворке. Берман покинул свой наблюдательный пост, несколько сот метров прошел более или менее ускоренным темпом, потом из кармана своего пиджака вынул портсигар и, остановившись над ним, достал какой-то тюбик, из которого насыпал на свой слет две три щепотки зеленоватого, приторно пахнувшего порошка. Впрочем, рассыпая его по траве, Берман не только перестал дышать, но даже и зажал себе нос свободной рукой. Отойдя еще шагов на полсотню от места этого таинственного происшествия, Берман снова залег за кусты и стал приглядываться и прислушиваться.

Товарищ Трофим бодро и размашисто шагал по бермановскому следу. Чоб бежал впереди, пока не добежал до места происшествия. Тут он стал чихать, тереться носом то о лапы, то о траву и вообще проявлять признаки беспокойства и недисциплинированности. Он припал к земле, глаза его стали наливаться кровью. Товарищ Трофим натянул сворку:

—Ну, в чем дело, Чоб?

Всесто ответа, Чоб повернулся и оскалил зубы. Товарищем Трофимом овладело чувство какого-то смутного беспокойства. Чтоб продолжал скалить зубы и даже рычать. Товарищ Трофим достал из кобуры пистолет.

—Ну, пошел, — сказал он угрожающим тоном.

Вместо ответа, Чоб всей своей мускулистой массой вдруг ринулся на товарища Трофима. Сворка была длиной метров пять, и даже товарищ Трофим не успел хорошенько прицелиться. Грохнул выстрел — и товарищ Трофим почувствовал, что он сбит с ног и что страшные зубы Чоба рвут ему лицо. Почти конвульсивно товарищ Трофим продолжал нажимать на спуск пистолета, выстрелы щелкали один за другим и песьи зубы так же дробили кости трофимовского черепа. Через несколько секунд кончились даже и конвульсии.

Тогда из-за куста выполз Берман — тоже с пистолетом в руке, быстрыми мелкими шажками пробежал к месту происшествия, убедился в окончательной ликвидации и Трофима и Чоба, очень умело ощупал карманы загрызенного, извлек оттуда бумажник, и что-то еще, и снова исчез в тайге.

...Через несколько минут после его исчезновения из тайги, со стороны клуба, показался Степаныч. На сворке впереди него бежала беленькая остроносенькая лайка — незаменимый пес для сибирских охотников. Вероятно, Степаныч услышал выстрелы и пошел на них. Но не доходя двух-трех десятков шагов до товарища Трофима с его Чобом, Степаныч поднял свою лайку на руки, осторожно обошел трупы, спустил лайку с рук и зашагал дальше — то ли в поисках заказанной ему дичи, то ли в поисках чего-то иного.

***

Генерал Завойко сидел на берегу таежного омута. Двухстволка лежала рядом с ним. Здесь, вдали от всякого человеческого "коллектива", лицо генерала Завойко потеряло свое обычное буденовско-денисовское выражение и на нем проступали ясные признаки беспокойства. Это беспокойство еще увеличилось, когда из чащи послышался хруст валежника. Генерал Завойко на всякий случай поднял двухстволку в направлении этого хруста. Но из тайги вышел только товарищ Берман.

Не производя никаких приветствий, товарищ Берман подошел к Завойко и опустился на травку.

—Револьверные выстрелы — это не ваши? — спросил Завойко.

—Нет, это пришлось отделаться от телохранителя.

—Отделались?

Товарищ Берман утвердительно кивнул головой.

—Я боюсь, товарищ Берман, что вы начинаете делать ошибки.

—А вы не бойтесь.

Генерал Завойко попытался установить в тоне Бермана то ли иронию, то ли утешение — но не установил ничего. Товарищ Берман говорил тоном телеграфного кода.

—Я снова передумал кое-что. Боюсь, что с этим бродягой вы поступили неосторожно.

—А вы не бойтесь, — тем же тоном сказал Берман.

—Хорошо. Но на всякий случай я бы посоветовал вам закрыть моими парашютистами подход к перевалу Ойран-Тау.

—Зачем?

—Ваш бродяга может завести своих конвоиров в засаду.

—У бродяги никаких сообщников нет. Бродяга — это случайность.

—Не знаю. А это тоже случайность — из моей дивизии внезапно откомандирован полковник Мижуев?

—Когда?

—Вчера.

—Вы именно по этому поводу назначили мне это свидание?

—Нет, не только по этому. Медведев получил приказание усилить надзор за дивизией — он за ней, впрочем, и так смотрит. Но моя разведка установила приезд в Неелово двух лиц — вот их фото и прочее.

Завойко вынул из кармана небольшой конверт. Берман как бы мельком, но очень внимательно вглядел ся в фотографии и в несколько строк текста при них.

—Я это возьму с собой?

—Возьмите. Фото не безынтересны. — а?

Берман не ответил ничего.

—О вашем Светлове — никаких новых данных?

—Фитеров по дороге ликвидировал он сам. При одном из них были кое-какие наши документы. При осмотре тел они не обнаружены.

Завойко тихонько свистнул.

(Прдолжение следует)